

Ли Хуньюй тоже быстро это почувствовал.

Когда хорошенький фулан привел его во двор, он поднял глаза и встретился с холодным взглядом.

Цинь Чжао сидел на бамбуковом кресле и смотрел на него через воду холодными, как лед, глазами.

Ли Хуньюй: «...»

Почему он кажется еще более злым, чем вчера???

По правде говоря, Ли Хуньюй накануне действовал импульсивно. Успокоившись, он понял, что зашел слишком далеко.

Он не только нарушил деревенские правила, но и причинил значительные неудобства своей семье.

Если бы Цинь Чжао рассказал об этом инциденте, это разрушило бы репутацию А-Сю и сделало бы невозможным для его семьи проживание в деревне Линьси.

Честно говоря, Ли Хуньюй был не слишком высокого мнения о Цинь Чжао.

Что было у этого больного человека? Ни денег, ни земли, он не мог работать в поле и постоянно лежал в постели. Кроме привлекательной внешности, в нем не было ничего примечательного.

Но что хорошего во внешности? Может ли она подавать еду на стол?

Он не мог понять, почему А-Сю всегда говорит о Цинь Чжао.

Ли Хуньюй, и без того недолюбливавший Цинь Чжао, почувствовал себя еще хуже, когда узнал, что А-Сю отказали. В деревне с его сестрой никогда так не обращались.

Короче говоря... он действовал импульсивно и хотел преподать Цинь Чжао урок.

Но он никак не ожидал, что ему так не повезет: он не только попался на месте преступления, но и случайно сломал руку. И теперь ему пришлось прийти и извиниться лично.

Это было крайне унижительно.

Ли Хуньюй на мгновение замолчал. Маленький супруг Цинь Чжао тоже проигнорировал его и быстро пересек каменный мост, чтобы подойти к Цинь Чжао.

— Ты... Ты уже проснулся?

В его голосе слышались нотки вины.

Конечно, Цзин Ли чувствовал себя виноватым — всего несколько минут назад он чуть не сделал что-то неподобающее, склонившись над Цинь Чжао.

Цинь Чжао проснулся от звука открывающейся двери? Если так... то, когда он собирался плохо себя вести, Цинь Чжао точно не бодрствовал, верно?

Цзин Ли нервно посмотрел на Цинь Чжао.

Цинь Чжао встретился взглядом с Цзин Ли, и большая часть его гнева рассеялась. Он отвел взгляд и спокойно сказал:

— Я хорошо спал, пока меня кто-то не разбудил.

Было неизвестно о чем думал Цинь Чжао. Был ли этот «кто-то» Цзин Ли или нарушитель спокойствия, который их прервал.

Он больше ничего не сказал, вместо этого протянув руку Цзин Ли.

— Помоги мне подняться.

Цзин Ли быстро помог ему подняться на ноги.

Цинь Чжао направился к главному дому, но его остановил голос.

— Цинь Чжао!

Ли Хуньюй никогда раньше не игнорировали так откровенно. Он сделал несколько быстрых шагов, чтобы встать перед Цинь Чжао, и сказал:

— Ты хотел, чтобы я пришел и извинился лично, и вот я здесь. Ты можешь... Ты можешь принять мои извинения?

Вероятно, он впервые официально извинялся перед кем-то, и его тон был невероятно

натянутым, а выражение лица — еще более неприятным.

Цинь Чжао холодно взглянул на него.

— Я не слышу искренности в твоих извинениях.

С этими словами он сжал руку Цзин Ли, и Цзин Ли помог ему пройти мимо Ли Хунъюя, не сказав ни слова.

— Если ты не примешь их, я буду стоять здесь, пока ты не согласишься! — крикнул Ли Хунъюй.

Но эти двое даже не остановились, быстро вошли в дом и с громким стуком захлопнули за собой дверь.

Ли Хунъюй: «...»

— Он все еще во дворе, — сказал Цзин Ли, выглянув в окно.

Цинь Чжао переделся и равнодушно ответил:

— Он не осмелится уйти. Что будет с его сестрой, если он уйдет?

Цзин Ли спросил:

— Ты правда собираешься продолжать так его мучить? У него все еще сломана рука...

— Изначально в этом не было необходимости.

Это не было серьезной проблемой. Изначально Цинь Чжао хотел, чтобы Ли Хунъюй просто пришел и извинился лично, но кто бы мог подумать, что этот нарушитель спокойствия выберет такое неподходящее время...

Взгляд Цинь Чжао на мгновение задержался на Цзин Ли, прежде чем он небрежно отвернулся.

Небольшой урок не повредит.

Молодой человек все еще смотрел в окно, и Цинь Чжао слегка нахмурился от недовольства.

— Почему ты так беспокоишься о нем?

— Я не беспокоюсь о нем, — ответил Цзин Ли, бросив последний взгляд на улицу, прежде чем с некоторым беспокойством добавить: — Я только что посадил цветы — что, если он разозлится и снова их выдернет?

Цинь Чжао: «...»

Итак, он беспокоился о своих цветах.

Цинь Чжао сел на кровать и похлопал по месту рядом с собой.

— Приляг со мной ненадолго.

Цзин Ли колебался:

— Но я не хочу спать.

— Но я был хотел, — сказал Цинь Чжао, пристально глядя на него.

Посмотрев друг на друга, Цзин Ли вздохнул и сдался.

— Ладно...

Он не мог не заметить, что в последнее время Цинь Чжао ведет себя все более неразумно.

Но это также заставило его почувствовать себя немного более человечным.

Они легли на кровать бок о бок, и Цинь Чжао, естественно, повернулся, обняв Цзин Ли за талию.

Цзин Ли: «!»

— Не двигайся... — глаза Цинь Чжао были уже закрыты, его голос был мягким и усталым, как будто он действительно был измотан.

Цзин Ли посмотрел на его бледное лицо и вдруг почувствовал укол сожаления.

Здоровье Цинь Чжао еще не полностью восстановилось, и ему не следовало заставлять его помогать с посадкой цветов.

С этой мыслью Цзин Ли расслабился и позволил Цинь Чжао заключить его в объятия.

Во дворе после полудня было тихо, лишь легкий ветерок доносил слабый аромат бамбуковых листьев через приоткрытое окно. Цзин Ли слышал, как его сердце слишком быстро бьется в груди, но вскоре оно успокоилось.

Возможно, дело было в успокаивающей обстановке, но вскоре Цзин Ли почувствовал сонливость и тихонько зевнул.

Он уткнулся головой в грудь Цинь Чжао, нашел удобное положение и вскоре тоже уснул.

Летняя погода быстро меняется. Примерно через час Цзин Ли разбудил шум сильного дождя.

Он открыл глаза и обнаружил, что Цинь Чжао уже сидит.

— Дождь идет...

Цзин Ли протер глаза и тоже сел. Цинь Чжао смотрел в окно.

Под дождем все еще стояла фигура.

Ли Хуньюй, которому не было и двадцати, был крепким и примерно такого же роста, как Цинь Чжао. Его левая рука была на перевязи, и он стоял под дождем, прямой как палка.

Цзин Ли был удивлен.

— Он все еще там?

— В нем есть дух, — спокойно сказал Цинь Чжао, отводя взгляд. — Впусти его. Я найду ему сухую одежду.

Мгновение спустя Ли Хуньюй сидел за столом, закутавшись в одежду Цинь Чжао. Цинь Чжао накладывал лекарство и перевязывал ему руку.

— Ах... будь помягче! — Ли Хуньюй поморщился от боли.

— Терпи, — спокойно ответил Цинь Чжао. — Я слышал, что ты с детства ходил на охоту со своим отцом. Не можешь справиться с этой болью?

— Охота не предполагает, что ты сломаешь себе руку... — проворчал Ли Хуньюй. — Хотя это

странно. Я проходил по этой тропе десятки, если не сотни раз, и никогда не падал. Почему я упал вчера?..

Цзин Ли нес в комнату миску с лечебным супом, когда услышал это и остановился.

Цинь Чжао взглянул на него с невозмутимым выражением лица.

— Те, кто творит зло, неизбежно навлечет на себя беду.

— Что это значит? — спросил Ли Хуньюй.

Цинь Чжао: «...»

— Я вас, ученых, совсем не понимаю, вы всегда говорите загадками. Что это? — Ли Хуньюй указал на миску с лечебным супом в руках Цзин Ли.

— Имбирный чай, — ответил Цинь Чжао. — Дождь утих. Выпей его, а потом возвращайся.

Ли Хуньюй залпом выпил всю чашку имбирного чая, а затем спросил:

— А что насчет моей сестры?

Цинь Чжао:

— Я не стану беспокоить женщину или портить репутацию юной девушки без причины.

— Эти слова меня успокоили. — Ли Хуньюй встал: — Я только что подумал об этом, и это правда, что моя семья была неправа. Если бы не глупая идея моей матери и тети, все не зашло бы так далеко. Мне жаль.

Цинь Чжао кивнул.

Ли Хуньюй правой рукой поднял свою промокшую одежду и посмотрел на пустую миску из-под супа на столе.

— Знаешь, я думаю, что ты на самом деле неплохой человек. — Он сделал паузу, а затем с улыбкой добавил: — Почему бы и нет? Если вы с моей сестрой сойдетесь, ты станешь моим зятем, и я буду прикрывать тебя в деревне.

Цинь Чжао: «...»

Цзин Ли: «...»

— Если ты скажешь еще хоть слово... — Цинь Чжао холодно посмотрел на него.

Ли Хуньюй был примерно того же роста, что и Цинь Чжао, но из-за того, что он много лет жил в горах, его кожа была загорелой, и он был гораздо более крепким. Однако под пристальным взглядом Цинь Чжао он почувствовал себя немного неловко.

— Э-э, я ничего такого не имел в виду, просто пошутил, просто пошутил. — Ли Хуньюй выдавил из себя улыбку и поспешно сказал: — Я пойду, а одежду верну в другой день!

С этими словами он быстро ушел.

К сумеркам дождь немного утих, но к ночи снова усилился.

К счастью, когда Цинь Чжао строил этот двор, он позаботился о хорошем дренаже, поэтому вода не застаивалась, и недавно посаженные цветы не сильно пострадали.

Цзин Ли сидел у двери, глядя на дождь, и сказал:

— Если бы я знал, что сегодня будет дождь, я бы не стал поливать цветы в полдень. Дождь бы сам с ними справился.

Цинь Чжао, сидевший за письменным столом в спальне, поднял взгляд.

— Ты рыба, а не синоптик.

— Это правда ...

Цзин Ли подошел к Цинь Чжао и наклонился, чтобы посмотреть.

— Что ты рисуешь?

Цинь Чжао ответил:

— Дамба для борьбы с наводнениями и дренажные каналы.

Цзин Ли был шокирован.

— Чтобы предотвратить наводнение?

Цинь Чжао спокойно объяснил:

— Когда мы сегодня возвращались с полей, я обратил особое внимание на то, что деревня Линьси построена у воды, а этот участок реки относительно узкий, поэтому вода при подъеме выходит из берегов.

На рисунке, который держал в руках Цинь Чжао, был изображен участок реки за пределами деревни. Он провел пальцем по линиям на бумаге и терпеливо продолжил объяснение:

— Если мы расширим реку здесь, поднимем насыпь и расширим дренажные каналы на полях на три чи1...

(1. 呎 - китайский фут, равный 0,32 м.)

Цинь Чжао, казалось, был очень хорошо осведомлен в этом вопросе. После его простого объяснения Цзин Ли тоже подумал, что это возможно. Но он все еще был озадачен...

— Откуда ты все это знаешь? Чем ты занимался раньше? — озадаченно спросил Цзин Ли.

— Я... — Цинь Чжао посмотрел на рисунок и покачал головой. — Несколько лет назад я был слишком болен, чтобы обращать внимание на такие вещи. Но недавно, в свободное время, я думал о том, как защитить деревню от наводнения, и когда я размышлял об этом, мне вдруг пришел в голову этот способ, как будто...

Как будто он использовал это раньше.

Цинь Чжао сжал губы и не стал продолжать.

Цзин Ли тоже не стал настаивать и вместо этого опустил голову, чтобы продолжить изучать рисунок. План Цинь Чжао был невероятно подробным, но было ясно, что строительство дамбы будет масштабным проектом, который не смогут реализовать один или два человека.

Более того...

Цзин Ли спросил:

— Если мы поднимем насыпь и расширим дренажные каналы, не уменьшится ли площадь

земли, доступной жителям деревни?

— Да.

Это тоже было важной темой для рассмотрения.

Большинство жителей деревни зарабатывали на жизнь сельским хозяйством, и их поля были для них источником средств к существованию. Если бы план Цинь Чжао был реализован, пострадали бы сельскохозяйственные угодья многих жителей.

Цинь Чжао сказал:

— Я поговорю об этом со старостой деревни завтра.

На следующий день было солнечно, и Цинь Чжао рано утром отправился в дом старосты.

Он прибыл как раз в тот момент, когда деревенский староста собирался уходить.

— Староста деревни, вы собираетесь в уездный город? — спросил Цинь Чжао.

Староста деревни нес в руках небольшой сверток, явно приготовленный для долгого путешествия. Он ничего не скрывал и кивнул.

— В этом году дождей выпало даже больше, чем обычно, поэтому мне нужно сходить к окружному судье и узнать, можем ли мы принять какие-то меры предосторожности. Ты пришел ко мне по какому-то делу, Цинь Чжао?

Цинь Чжао ответил:

— Да, как раз по этому поводу.

Цинь Чжао достал рисунок, который сделал прошлой ночью, и показал его старосте. Осмотрев его, староста тоже удивился.

— Ты даже знаешь, как управлять водными ресурсами?

— Я немного знаю, — скромно ответил Цинь Чжао, не вдаваясь в подробности. — Раз уж вы собираетесь в уездный город, почему бы не показать это судье? Если мы сможем заручиться поддержкой уезда, работа пойдет гораздо легче.

Староста деревни на мгновение замешкался, затем положил свой сверток на землю.

— Если ты уверен, что этот план — единственное решение проблемы наводнения, то я не могу сейчас ехать в округ.

Староста деревни мало что знал об управлении водными ресурсами, но план Цинь Чжао был достаточно четким, чтобы он сразу понял, к чему это приведет. Согласно плану, поля фермеров понесут значительные убытки.

— Цинь Чжао, этот вопрос касается многих людей. Я не могу принять это решение самостоятельно.

Как староста деревни, он в первую очередь должен был защищать интересы жителей деревни и уважать их пожелания.

Немного подумав, староста деревни предложил:

— Как насчет такого: ты оставляешь план у меня, а я в течение следующих нескольких дней обойду все дома и обсужу его со всеми. Если все согласятся с этим планом, я пойду в округ и попрошу о помощи. Что ты об этом думаешь?

Это действительно был самый подходящий план действий, и Цинь Чжао ответил:

— Я последую вашему примеру, староста деревни.

Затем староста деревни попросил Цинь Чжао рассказать подробнее о строительстве насыпи, и они около часа подробно обсуждали этот вопрос в доме старосты деревни, после чего Цинь Чжао наконец ушел.

Что касается старосты, то он даже не стал собирать вещи и сразу же отправился к крестьянам с чертежом Цинь Чжао.

Цинь Чжао теперь был просто обычным сельским жителем, и он сделал все, что мог. Остальное было не в его власти.

Убедить жителей деревни согласиться с этим планом было непростой задачей. Следующие несколько дней староста деревни был занят этим, лишь изредка посылая кого-нибудь в дом Цинь Чжао, чтобы сообщить ему о ходе работ.

Однако за несколько дней задержки выпало еще несколько ливней, и уровень воды в ручье начал подниматься.

Однажды днем снова пошел дождь. Цзин Ли закончил писать последний иероглиф на листе бумаги и показал его Цинь Чжао.

— Я закончил! На этот раз все идеально!

Бумага была густо исписана отрывком из «Классики тысячи иероглифов», который Цзин Ли только что переписал.

Цинь Чжао взял его и внимательно просмотрел, не найдя ошибок. Он кивнул.

— Ты очень быстро учишься.

Цзин Ли был полон гордости. Если бы он был рыбой, то, наверное, вилял бы хвостом.

— Это для детей, так что, конечно, это легко выучить.

Цинь Чжао уже собирался протянуть ему еще одну книгу для начинающих, но остановился и сказал:

— Почему бы тебе не попробовать почитать что-нибудь для экзамена Туншэн?

Цзин Ли был ошеломлен.

— Ха?

Учебники для начальной школы предназначались для того, чтобы дети учились читать, используя ограниченное количество простых иероглифов. У Цзин Ли были базовые знания, так что ему было легко. Но именно из-за того, что было легко, в этом не было особой сложности.

Цинь Чжао, оценив способности Цзин Ли за последние несколько дней, понял, что Цзин Ли, вероятно, мог бы справиться с более сложными текстами, даже с четырьмя книгами и пятью канонами².

(2. 四书 - канонические тексты конфуцианства, составленные последователями соответственно Конфуция и Мэн-Цзы, содержащие изречения философов и описание их дел.)

Размышляя об этом, Цинь Чжао встал, чтобы найти на полке более сложную книгу.

Цзин Ли так испугался, что у него подкосились ноги. Он быстро схватил Цинь Чжао за рукав.

— Нет, нет! У меня голова болит, когда я просто слушаю, как ты их читаешь, — я не хочу их читать!

Он просто хотел выучить несколько иероглифов, а не готовиться к императорским экзаменам!

Цзин Ли вцепился в рукав Цинь Чжао, его голос смягчился.

— Цинь Чжао...

— Будь хорошим, это поможет тебе научиться читать быстрее. — Цинь Чжао проигнорировал мольбы маленькой рыбки и достал с полки толстую печатную книгу. — Как насчет «Период Вёсен и Осеней3»?

(3. 春秋 - период китайской истории, соответствующий летописи Чуньцю («Вёсны и осени»), составителем которой считают Конфуция. Этот период относят к началу династии Восточная Чжоу.)

У Цзин Ли перехватило дыхание, когда он увидел ее толщину, и он покачал головой.

— Что-то другое.

— Книга обрядов (Чжоу ли).

— Измени снова, на что-нибудь более тонкое.

— Тогда... — Цинь Чжао окинул взглядом книжную полку и вдруг замер, заметив определенную книгу.

Цзин Ли проследил за его взглядом и тоже увидел книгу, его глаза загорелись.

— Я думаю, эта книга выглядит неплохо!

Прежде чем Цинь Чжао успел его остановить, Цзин Ли быстро протянул руку и снял книгу с полки.

Эта книга была как минимум вдвое тоньше, чем «Период Вёсен и Осеней», и лишь немного толще учебников для начальной школы, так что ее должно быть легко изучать.

Цзин Ли был очень доволен ее толщиной. Он посмотрел вниз, нахмутив брови, и прочитал два знакомых иероглифа на обложке.

— «Чунь» (весна)... и что еще? Какое странное название. Что означают эти два иероглифа?

Цинь Чжао: «...»

<http://bllate.org/book/14325/1268670>